

Повседневность японского военного плена*

Русские солдаты и офицеры в Японии
в 1904–1905 годах

Лекса Жукова

В контексте тем, связанных с историей русских военнопленных, оказавшихся в Японии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. остается ряд вопросов, нуждающихся в исследовании, в том числе – численность военнопленных, условия их содержания, жизнь в лагерях.

Некотрые из этих вопросов уже вызвали дискуссии специалистов. Например, предметом обсуждения стало точное количество русских, оказавшихся в японском плену в 1904–1905 гг.

В книге Нисимурэ Фумио “Японо-русская война, увиденная глазами военного врача”, написанной в 30-е годы XX столетия, приводится цифра 79367 чел.

В годы Второй мировой войны появилась книга Хасэгавы Син “Пленники войны”. В ней приводится цифра 86105 чел.¹.

Синтаро Накамура – автор 70-х годов, питавший к России симпатию, – в книге “Японцы и русские”² указывает приблизительную цифру – “около 70 тысяч человек”.

В своем последнем сообщении** “Военнопленные в период русско-японской

ЖУКОВА Лекса Вильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Ключевые слова: русско-японская война, военнопленные, численность, условия содержания, питание, гигиена, организация богослужений, досуг.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей”.

** В сентябре 2001 г. во Владивостоке.

войны 1904–1905 гг.” профессор Такэси Сакон приводит цифру 72408 чел. Киносукэ Накамура³, утверждает, что “общее количество военнопленных (военно-морские и сухопутные силы) с японской стороны составило 2104 человека, с российской же – 79454 чел.”. Приблизительно такая же цифра приводится министерством иностранных дел Японии (79000 чел.).

Первыми русскими авторами, которые пытались так или иначе осознать эту цифру, были сами военнопленные.

Купчинский Ф.П., например, считал, что в плену находилось “более 80 тысяч людей”⁴.

Вел свою статистику и о. Николай Японский, причем вначале заносил цифры в личный дневник⁵, черпая сведения из японских газет, писем из мест содержания

военнопленных и из отчетов секретаря “Общества духовного утешения военнопленных” Василия Ямада.

В историографии 60-х – 70-х годов XX в. статистике военнопленных уделялось относительно немного внимания.

Сведения, приводимые, например, в коллективной монографии под редакцией И.Ростунова⁶, по сути, повторяют данные Ц.Б.Урланиса⁷ и А.И.Сорокина⁸.

А вот статистика, приводимая в более поздних исследованиях, существенно различается.

Например, Черевко К.Е. насчитывает военнопленных 62149 чел.⁹. Гузанов В.Г.¹⁰ считает, что их было 71947*.

В книге “Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил”¹¹ приводится несколько иные данные (табл. 1).

Таблица 1

Места пленения	Количество военнопленных, чел.					
	сухопутных		моряков		всего	
	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов
Разные места	47	2076	14	603	61	2679
Порт-Артур	697	30043	245	8212	942	38255
Мукден	332	20291	–	–	332	20291
Цусима	–	–	246	5831	246	5831
Сахалин	98	5853	–	–	98	5853
Итого	1174	58263	505	14646	1679	72909

Сравнивая данные Гузанова В.Г. и Кривошеева Г.Ф., не досчитываемся почти тысячи человек. Еще более любопытной оказывается статистика возвратившихся.

Кривошеев указывает: “Во время приема возвратившихся из японского плена русских солдат таковых оказалось 70932 нижних чина. Из них 56341 чел. из сухопутных войск (79,4%) и 14591 моряк (20,6%).”

* На В.Г.Гузанова ссылается Такэси Сакон, правда, по словам Т.Сакона, Гузанов В.Г. называет цифру свыше 72000 чел.

Из нижних чинов сухопутных войск 24730 взято в плен на Южно-Маньчжурском театре войны и 31611 чел. – в Порт-Артуре, на Сахалине и Северо-Корейском театре.

Из всех плененных на Южно-Маньчжурском театре (24730 чел.) оказалось: русских – 19427 (78,5%), поляков – 3274 (13,2%), евреев – 825 (3,3%), татар – 748 (3,0%), лютеран – 376 (1,5%), народностей Кавказа – 80 (0,5%).

При обмене пленными у японцев осталось 110 чел., ранее перешедших добровольно на их сторону, и тех, кто не пожелал вернуться на родину (из них – 82 поляка, 14 евреев, 12 русских)¹¹.

Таким образом, количество умерших или бежавших из плена должно составлять 1867 человек. Однако, по данным Гузанова, в японском плену умерло всего 350 чел.

Сбором и составлением сведений о военнопленных в годы войны занимались несколько организаций и ведомств.

28 мая 1904 г. при Обществе Красного Креста в Москве было образовано Центральное справочное бюро. Оно получало сообщения о военнопленных из Главного штаба, от французского посольства в Токио, входило в телеграфные сношения с Токийским справочным бюро о военнопленных для получения сведений об отдельных военнопленных, за счет лиц, пожелавших иметь эти сведения.

Собрать сведения и ответить на запрос удавалось далеко не всегда.

Например, с начала деятельности до 1 января 1905 г. "бюро получило запросов 950 и дало положительных ответов 187"¹².

Кроме того, и сведения оказывались не всегда точны – некоторые военнопленные могут числиться в списках пропавших без вести или погибших*.

Данные, полученные Центральным справочным бюро, также публиковались в "Русском инвалиде". Кроме того, там же публиковались списки, составляемые в особом отделе Главного Штаба по сбору сведений об убитых и раненых в войну с Японией. После войны опубликованы "Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время русско-японской войны"^{***} и "Война с Японией. 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк"^{***}.

В Японии статистика велась значительно тщательнее.

Большая часть данных оказалась в распоряжении Военного министерства Японии. Их предоставили для составления отчета о. Николаю. Однако он отмечает, что многие русские имена и фамилии искажены до неузнаваемости. Кроме того, о. Николай дополнял эти списки сведениями, получаемыми от православных японцев. После войны в Японии была также опубликована

* Например, Подобедов Вениамин Николаевич, по данным "Русского Инвалида", погиб в бою у о. Цисима на корабле "Сисой Великий" 14–15 мая 1905 г., а по сведениям В.Г.Гузанова, умер в Японии 17 мая 1905 г. и похоронен на кладбище в Нагасаки в могиле 267.

** Однако, как отмечает Г.Ф.Кривошеев, источник этот не во всем точен: "По данным Центрального справочного бюро, ... всех пленных, за исключением лиц, не подлежащих взятию в плен и освобожденных в связи с этим японской стороной, было 74200 чел. Но в почтовых списках их числилось 74588. Однако японское правительство предъявило требование об уплате расходов за 71300 военнопленных. Видимо, оно исключило 2318 умерших и 675 офицеров, освобожденных после взятия Порт-Артура под честное слово".

*** В.И.Сейфулин отмечает, что сведения Главного военно-медицинского управления заведомо не полны и не точны, "так как они составлены на основании письменных документов, дошедших из Артура до Петербурга, – а что там творилось в последние дни?" (Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 370).

“Статистика военной кампании 1904–1905 гг.”.

В настоящее время списки на японском языке дополнены на основе данных, предоставленных Ногуты Такакуни (г. Нагасаки) и Тахаси Сабуро (г. Мацуяма).

Однако и эти списки не во всем точны. Это объясняется рядом причин, в том числе и самими обстоятельствами пленения.

Первыми русскими военнопленными в Японии оказались моряки парохода “Екатеринослав” Добровольного флота.

Описывая захват их в плен, Г.Г.Селецкий упоминает, что во время захвата заполнялись расписки на огнестрельное оружие и деньги, имевшиеся на пароходе. Были составлены и перепроверены также списки личного состава и пассажиров судна.

По прибытии в Сасебо находившиеся на борту судна русские вновь были пересчитаны и переписаны.

Из дальнейшего описания Селецкого становится ясно, что, при всем старании, японская сторона не смогла полностью заполнить бумаги и лично на него и на некоторых матросов, причем причинами стали и языковой барьер, и сознательное введение в заблуждение противника¹³.

Другой военнопленный – Шикуч Ф.И. – попал в плен, будучи довольно тяжело раненым.

В госпитале он часто впадал в забытие, и на заполнение документов потребовалось несколько дней. Вначале он тоже хотел ввести противника в заблуждение, и даже пытался оторвать погоны от шинели, “так как... неоднократно слышал, что японцы добивают офицеров и мучают ужаснейшим образом, в особенности же казачьих”, а когда, измученный физическими страданиями, начал отвечать на вопросы японских офицеров, то ничего не мог объяснить. Причиной стал опять-таки, языковой барьер¹⁴.

Пожалуй, самая точная статистика велась при сдаче Порт-Артура.

Описывая сдачу крепости, М.И.Лилье, между прочим, отмечает: “Нужно заметить, что количество пленных нижних чинов стало значительно больше того количества, которое значилось в частях по последним спискам”¹⁵.

Это подтверждает Б.И.Бок: “Японцы объяснили... что на сборный пункт явилось больше пленных, чем было показано во время переговоров”¹⁶.

После заполнения соответствующих документов начался прием военнопленных.

“Производился он таким образом. Полк, в своем полном составе, выстраивался перед ставкою. Японскому офицеру представляли ведомость со списком всех офицеров и нижних чинов полка. Японцы считали наличность и записывали. Затем предлагали желающим из офицеров пожаловать в “место клятвы”. Здесь был стол, на котором лежал лист бумаги для подписи офицерам, не желающим ехать в плен... Здесь они в общем списке присоединяли свое имя и фамилию”¹⁷.

Таким образом, количество пленных, взятых в Порт-Артуре и доставленных в Японию, существенно различалось. Такая же практика имела место не только в Порт-Артуре.

Кроме того, часть военнопленных оставалась на территории Китая и Манчжурии, в районе Порт-Артура, на Сахалине и т.д., и в Японию не попала уже по воле японской стороны. Реальные сведения о них обнаружить трудно. Лишь очень немногие что-то записывали, но эти записи тщательно скрывались, а впоследствии в большинстве своем утрачены. Некоторые подробности из жизни своего деда в плену, приводит, например, Русина Волкова¹⁸.

Хироюки Фусэ цитирует Тэрююки Хара, профессора Исследовательского центра славистики университета Хоккайдо, который пишет, что “на Сахалине некоторые русские военнопленные

были расстреляны. При этом в своей работе... Хара ссылается на многочисленные японские и российские документы. Согласно этим документам, в августе 1905 г., в конце Русско-японской войны, японские войска, высадившиеся на Южном Сахалине, казнили 130 русских военнопленных, которых они захватили в бою. Хара также под-

верг сомнению правдивость официального отчета правительства Японии о ведении этой войны, поскольку в нем об этом инциденте не упоминается ни слова¹⁹.

Помимо общего количества военнопленных, интерес с точки зрения статистики представляет соотношение нижних чинов и офицеров (таб. 2)¹⁰.

Таблица 2

Общие данные о русских военнопленных в Японии

человек

Место лагеря	Офицеры	Рядовые	Всего	Время в плену	Умерло
Мацуяма	315	1848	2163	1904.03.18–1906.02.20	98
Нагоя	163	3629	3792	1904.11.28–1906.01.17	15
Сидзуока	158	161	319	1904.12.14–1906.01.18	1
Хамадэра	51	22325	22376	1905.01.10–1906.02.20	89
Фукуока	56	3993	4049	1905.01.14–1906.01.25	16
Тохаси	40	835	875	1905.02.10–1905.12.26	2
Ямагути	29	330	359	1905.03.12–1906.02.7	0
Фусими	113	1598	1711	1905.03.19–1905.12.30	7
Кокура	20	1007	1027	1905.03.21–1905.11.28	8
Канадзава	68	3249	3317	1905.03.26–1905.12.11	11
Румамото	45	5957	6002	1905.03.29–1906.01.29	14
Сэндай	84	2081	2165	1905.03.30–1906.01.1	3
Такахаси	22	509	531	1905.04.3–1905.11.28	3
Сабаэ	20	20	40	1905.04.15–1905.12.8	0
Осака	148	78	226	1905.06.27–1906.01.10	0
Хиросаки	33	28	61	1905.08.10–1905.12.16	0
Акита	44	43	87	1905.07.24–1905.12.16	0
Ямагата	22	20	42	1905.08.19–1905.12.28	0

В остальных лагерях офицеров не было.

Первым начал заполняться лагерь в Мацуяма. Здесь с размещением первой партии пленных проблем не возникло – были использованы бараки, оставшиеся от японо-китайской вой-

ны²⁰. Однако, когда бараков перестанет хватать, русских солдат и офицеров разместят в железнодорожных вагонах первого класса¹⁹.

Некоторых офицеров (не только в Мацуяма), разместят в храмах – в условиях отнюдь не комфортных – “сырость невероятная и, наконец, нет никогда минуты покоя, так

как комната от комнаты отделяется только невысокой бумажной перегородкой и, следовательно, всякий разговор в одной из комнат ясно слышен во всех других комнатах.

По свидетельству Селецкого Г.Г., помещение храма было рассчитано на 200 чел. "... в стороне, стояло три каких-то ящика на ножках, на дне которых лежали мешки из бывшего в употреблении довольно грязного ревендука*, набитые соломой, а в конце ящиков – вальки из того же ревендука, набитые рисовой шелухой. Эти постройки должны были служить... кроватями. Стояли они плотно одна к другой и очень напоминали три открытых гроба в мертвецкой"¹³. На ночь кровати занавешивали "зелеными пологами из редкой сетки, вроде марли, чтобы ... не кусали комары"¹⁴.

Делались попытки придать помещению для офицеров хоть какую-то привлекательность: "у каждой кровати столик; на столе бутылочки молока, лекарства, книжки, стаканчики, пивные бутылки с цветами; на деревянных станках висят принадлежности туалета"⁴.

Первоначально самый комфортный лагерь Мацуяма, принявший наибольшее количество временных поселенцев, окажется, в конце концов, настоящим кошмаром с переполненными бараками.

"Один хочет спать, другой рядом жемлет громко спорить, третий петь, четвертый – большой просит покоя, а за стеной кричат благим матом всю ночь неугомонные картежники"⁴.

В конце войны, когда пленных стало слишком много, администрация Мацуямы, по свидетельству Селецкого Г.Г., даже разрешила офицерам снять и обставить дом на свои средства для более комфортного размещения.

В других лагерях положение, видимо, было не столь критично.

В лагере Фукуока, например, "было отведено два участка для русских военнопленных: в одном, сплошь застроенном деревянными бараками и походившем на небольшую деревню, помещались наши солдаты, в другом, окруженном высоким деревянным забором – ... офицеры. Между двумя офицерскими бараками был расположен пруд с маленьким островком, на котором стоял памятник в честь японо-китайской войны"²².

"Самый большой лагерь для "простых" (35 тыс. чел.) находился под г. Осака, а второй по размерам (примерно 15 тыс.) – в черте г. Нарасино, предместье Токио. Лагерь Нарасино состоял из трех зон по 25 барак. Две из них были отданы русским, а одна – национальным меньшинствам, среди которых было более тысячи поляков и прибалтов, по 200 с лишним мусульман и евреев. Японские власти осуществляли охрану, а внутри лагеря действовало самоуправление – главную роль при этом играли фельдфебели как старшие по чину"²³.

Неотложный вопрос, связанный с содержанием военнопленных, – организация их питания.

Для снабжения прикладывались усилия: "нам подали ужин, состоящий из рыбы, котлетки и жареной картошки, а после ужина – чай, к которому дали по два куска сахара"¹⁴.

Монотонное меню и неумелые попытки японских поваров справиться с премудростями русской кухни раздражали и вызывали ропот. В Мацуяма администрация пошла на компромисс – был найден повар из военнопленных, которому выдавались продукты для приготовления.

"Особое внимание обращалось на питание адмирала** (Рожественского З.П. – Авт.)... из Нагасаки даже был приглашен повар, умеющий готовить блюда русской кухни"¹.

* Толстое полотно, парусина.

** Рожественский Зиновий Петрович (1848–1909 гг.) – вице-адмирал. В русско-японскую войну командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой, разгромленной в Цусимском сражении (1905 г.).

“Офицеры получали на завтрак хлеб, суп, жареную рыбу, ростбиф, пудинг, масло, чай, сахар, молоко. На ужин хлеб, суп, вареную говядину, жареного цыпленка, тушеные хвосты, масло, чай, молоко.

Для низших чинов утром – хлеб, масло, чай, сахар. На обед – хлеб, масло, суп с мясом и овощами, чай, сахар. На ужин – хлеб, масло, вареная говядина, чай, сахар”¹.

Чтобы разнообразить меню, использовали даже закупаемые в Америке и производимые в Японии консервы. Однако средств для прокорма военнопленных отпущалось не много.

По свидетельству В.И.Семенова, на еду пленным выделялось в день 60 сенов (и отдельно 6 иен в месяц на карманные расходы). В тогдашних ценах 600 г говядины стоили 45 сенов.

Нижним чинам в день причиталось 23 сэна – “это уже можно отнести к разряду жестокого обращения с пленными”²⁴.

Военнопленные могли и сами закупать продукты: “Тут же в ограде была построена лавочка, в которой продавались самые что ни на есть плохие товары и по самым дорогим ценам, а так как офицеров за редкими исключениями в город не пускали, приходилось все покупать здесь”²².

Кроме “лавочек”, за ограду проникали мелкие спекулянты, продававшие, в первую очередь, спиртное¹⁴.

Ближе к концу войны режим содержания военнопленных стал более свободным – они стали чаще выходить в город и закупали там продовольствие, причем иногда – в долг.

Помимо питания, неотложной, по мнению японцев, была организация гигиены в лагерях.

Как вспоминает Г.А.Ивков, едва пленные прибыли к месту размещения, им “предложили раздеться, сдать всю свою одежду, которую сейчас же понесли в дезинфекционные печи, а нас повели в ванны, где предложили тщательно вымыться, для чего дали по куску мыла и по две тряпочки взамен губок.

По окончании мытья накинули на себя кимоно, прошли в другое отделение и там сейчас же нам привили оспу; затем принесли нам продезинфицированную нашу одежду, мы оделись и в сопровождении нескольких чинов перешли в другой район острова, где размещались жилые бараки... Хорошо помню впечатление, произведенное на меня всеми этими манипуляциями, которые проделали с нами до сих пор: я восторгался той организацией, которая всюду бросалась мне в глаза, и невольно навертывалась мысль “далеко нам до японцев!”²¹.

На других пленных, оставивших воспоминания, гигиенические процедуры, очевидно, не произвели столь сильного впечатления. Напротив, некоторые отмечают грязь в бараках, нечистоту тела и т.д. Возможно, такое самоощущение было вызвано не столько реальной антисанитарией, сколько общим угнетенным состоянием духа.

Одной из задач, стоявшей перед правительством Японии, стремившегося не отступать от Гаагской конвенции 1899 г., была организация богослужений для военнопленных.

В начале апреля министр иностранных дел Японии, барон Комура выразил желание “выписать из России священника для русских пленных”⁵. Решение вопроса затягивалось, и о.Николай через французского посланника направил письма в министерство иностранных дел и к пленным в Мацуюма и Такахама, предлагая послать для окормления русских “японского священника, несколько знающего по-русски для совершения богослужений, к их религиозному утешению”⁵.

Японские православные христиане, в свою очередь, тоже обратились в министерство иностранных дел, изъявив готовность направить священника к русским военнопленным за свой счет.

18/31 мая 1904 г. разрешение министерства было получено.

“Предложение Министра иностранных дел попросить русского священника для

них (военнопленных – Авт.) из России устранено⁵.

Главная идея министерства состояла в том, что удовлетворение религиозных нужд русских военнопленных должно быть делом японских христиан. В конце апреля – начале мая православные японцы выступили с инициативой создать общество “духовного утешения” военнопленных. Общество с самого начала ставило перед собой цель не только организацию богослужения и выполнение религиозных обрядов, но и духовное утешение военнопленных, и о. Николай начал готовить для этой миссии японских священников.

Наскоро обучив о. Сергея Судзуки “отправлять различные богослужения по-славянски”⁵, о. Николай собрал для него славянские богослужебные книги, утварь, облачения, снабдил “всем, до церковного вина и просфор на первые Литургии”⁵.

В первой половине июня 1904 г. о. Сергей Судзуки прибыл в Мацуяма.

Служение должно было совершаться в пяти местах поочередно с 8.30 до 11 утра. Началось оно не слишком удачно: “После службы отпалил... проповедь по-русски; это было нечто вроде путешествия по болоту с прилеганьями... русские, вероятно, с изумлением, и удерживая смех, смотрели на это оригинальное хождение”⁵.

Недостаточное знание языка было не единственной трудностью. При контактах о.Сергия с военнопленными, в том числе и при исповеди, согласно правилам, должен был присутствовать японский чиновник, знающий русский язык. Таким образом, таинство исповеди нарушалось, хотя о.Сергий не видел в этом большой беды.

Довольно быстро о. Сергей почувствовал неоднородность паствы. Нижние чины, как ему казалось, отличаются благочестием, офицеры же в большинстве своем – “своевольны и непокорны”, и к религии равнодушны⁵. Русские военнопленные отнеслись к японскому священнику с энтузиазмом –

просили благословения, целовали руку, во время обедницы – пели.

По свидетельству Селецкого Г.Г., “Отец Сергей сразу же завоевал себе симпатии всех пленных, которые видели в нем идеальнейшего священнослужителя, напоминающего первые века христианства”¹³.

В конце июня к обязанностям о.Сергия прибавилась еще одна – погребение, а необходимых предметов для этого он не имел – они были высланы в Мацуяма только в ноябре 1904 г.⁵.

Постепенно русский язык о.Сергия значительно улучшился, опыта проведения службы прибавилось: “...раздается всем с детства знакомое наше родное полупонятное заунывное чтение часов с проглатыванием слов, с растягиванием фраз; голос звучит все время одной нотой; по всему видно, что чтец опытен. С головокружительной быстротой летят с его языка слова известных молитв и славословий – чем-то родным и грустным веет от всей обстановки” – вспоминал об о. Сергии Ф.П.Купчинский⁴.

Паства о.Сергия увеличивается. Он уже совершает богослужение в 8 помещениях пленных, разбросанных по городу, встречает прибывающих пленных при высадке на берег, беседует с ними, пытаясь утешить, благословляя крестиками.

Вскоре (в сентябре 1904 г.) по собственной инициативе о.Сергий начал окормлять пленных еще и в Маругаме, стараясь выделить им хотя бы один день в неделю. К этому времени “они уже два месяца остаются без религиозного утешения”.

В начале июля 1904 г. для окормления военнопленных был назначен еще один священник – Павел Морита⁵. 21 июля/3 августа 1904 г. о. Николай встретился с Павлом Морита для обучения его службе на славянском языке. “К счастью, он с этой службой знаком по некоторому предварительному опыту”⁵, – отмечает о. Николай. Вообще, поначалу о. Николай относился к о. Павлу Морите с большей благосклонностью, чем к о. Сергию Судзуки, находил его более умным и практичным, не “таким бестактным”. Надеялся

о. Николай и на посредничество о. Павла Морита в переговорах с военным министерством. Во-первых его заботило, что при служении о.Сергия нарушается таинство исповеди, а во-вторых, было очевидно, что сил миссии не хватает для удовлетворения духовных потребностей всех плен-ных. Однако переговоры с Министерством оказались не успешными, а скоро и сам о. Павел несколько разочаровал о. Нико-лая⁵.

Первая же проповедь о. Павла в Хи-медзи⁵ показала "его характер – льстивый и дрянной... он долбит русским, что "они чрезмерно облагодетельствованы Его Ве-личеством Японским Императором и пото-му должны быть бесконечно благодарны ему и Японии, вести себя хорошо и про-чее в этом роде"⁵.

Отношение к пастве у о. Павла Морита было иное, нежели у о. Сергия.

О.Сергий обратил внимание на религиоз-ность паствы, а о. Павел – на конфессио-нальную и национальную принадлежность. Среди его паствы было довольно много ка-толиков (поляков – Авт.) и евреев⁵. Не очень разбираясь в сложностях межнациональных взаимоотношений, о. Павел довольно нелов-ко вмешивался в них. Результатом стала его ссора с паствой⁵ в Фукуцияма.

В середине сентября 1904 г., узнав из газет, что для русских военноплен-ных (из Порт-Артура) "уже готовятся помещения"⁵, о. Николай впервые обеспокоился – хватит ли в Японии православных священников, "если... все эти места наполнятся русскими пленными"⁵. Пленные, действительно, вскоре начали поступать уже сотнями, и двух священников для них оказалось не достаточно.

В октябре 1904 г. выразил желание служить у военнопленных о. Симеон Мии⁵.

Во второй половине ноября 1904 г. в Нагоя были переведены 220 пленных из Мацуяма, и о. Симеон Мии получил жела-емое назначение и в декабре 1904 г. уже начал служение.

Он должен был приезжать из Киото два раза в месяц и служить вместе с

о. Петром Сибаяма. В остальные воскре-сенья о. Петр Сибаяма служил по-японс-ки – "так военнопленные сами пожелали; они не хотят оставаться без богослужения в праздники"⁵.

С конца декабря о. Симеон служил Литургии и в Сидзуока, а в начале января 1905 г. выразил желание служить и в Оса-ка. Приходилось ему служить "наездами" и в других местах.

Среди его паствы оказались "порт-ар-турские генералы". Они с самого начала выказывали японскому священнику свое уважение, и о.Сибаяма желал всячески от-странить от служения о. Мии, "чтоб само-му важничать в обществе генералов"⁵. Од-нако трудности служения примирили в кон-це концов пастырей и они служили и обедали "у Генералов" совместно.

Количество военнопленных все увеличи-вается, и с февраля 1905 г. о.Петру Сибая-ма поручается окормлять военнопленных еще и в Тенгачае, куда в начале 1905 г. попадает 6 тыс. чел.

К началу 1905 г. в резерве Японской Православной Церкви оставались еще два священника, знающие русский язык, – Ан-дрей Метоки и Алексей Савабе. Они вско-ре понадобились. В начале января для слу-жения в Дайри вызывается Андрей Мето-ки, а в Хаматера назначается Алексей Са-вабе.

С самого начала 1905 г. было очевид-но, что справиться со служением будет трудно – только в Хаматера к середине января оказалось уже 12000 военноплен-ных.

Когда о. Алексей Савабе прибывает на место служения, там как раз вспыхивает бунт военнопленных, для усмирения кото-рых из Осака прибывают три роты солдат⁵.

В феврале 1905 г. для служения в Фу-куока и Дайри прибывает о. Андрей Ме-токи.

В марте 1905 г. стало очевидно, что больше священников для служения военноп-ленным Японская Церковь выделить не мо-жет. Было решено рукоположить нескольких диаконов, окончивших курс в Семинарии и знающих русский язык. Для хиротонии были единодушно избраны Иоанн Оно, Яков То-

ошей и Акила Хирото. Дальнейшие назначения шли уже в спешке, к военнопленным направлялись некоторые священники, не знавшие русского языка, но о. Николай не мог исправить ситуацию⁵.

Помимо православных, среди русских военнопленных были католики, мусульмане и иудеи.

Есть сведения, что для них были построены и костел, и протестантская кирха, и синагога, и мечеть. Среди католиков пытались вести миссионерскую деятельность западные миссионеры, правда, особого успеха не достигли. Однако Змеицин В.П. не без досады отмечал, что католическим священникам в посещениях лагерей и беседах с военнопленными не чинили препятствий²⁵.

Самой главной проблемой японского плена оказалась та, что не была предусмотрена никакими конвенциями – организация досуга военнопленных. Скука и безделье стали настоящим бичом лагерей, делая военнопленных агрессивными и опасными, заставляя терять человеческий облик и даже сходить с ума.

Японская сторона приложила большие усилия, чтобы доставить пленным хоть какие-то развлечения.

“Рядом с лавочкой стояла бильярдная, тут же была развешена сетка лаунтенниса, а еще дальше находилась общая столовая, в которой по субботам и воскресеньям православный священник-японец, служил всенощную и обедню.

Пленные офицеры имели каждый по отдельной комнате, пользовались садом, в их распоряжении был бильярд и теннис²². Змеицин В.П. описывает довольно подробно посещение сада за пределами лагеря, которое устроили для военнопленных японцы²⁵.

Селецкий Г.Г., кроме сада, бывал в местечке Дого с целебными горячими ключами. Через несколько месяцев воен-

нопленным было разрешено посещать город. Правда, для того чтобы “получить право на свободный выход за пределы лагеря, нужно было дать четыре клятвы: не пытаться бежать, самовольно не прибегать к услугам почты, не общаться с пленными из других лагерей и не посещать частных японских домов”²⁴.

Казалось бы, это должно было развлечь. Однако, несмотря на удивление, раздраженные невольники не находили ничего приятного и в городе. Описывая посещение японского цирка, Шикун Ф.И. с досадой отмечает: “тут тоже ничего хорошего не было”¹⁴.

Кроме занятий спортом и любования природой, военнопленным доставляли книги и газеты, была разрешена переписка. Это сопровождалось огромными трудностями. Согласно правилам, книги, газеты, журналы и письма военнопленные могли получать только после прочтения их переводчиками. Поэтому любая корреспонденция доставлялась с большим опозданием. Непонятно, проявляли ли военнопленные интерес к чтению.

Святитель Николай получал множество писем с просьбами прислать книги, однако чтение не слишком увлекало пленников – прочитав книги один раз, они “от скуки ... начали читать их вторично”¹³.

Еще одно развлечение, которое пытались доставить японцы пленным – визиты. Неоднократно пленные упоминают Общество японских женщин.

“Они проходили по всем баракам и раздавали раненым разные игрушки, цветы и проч.”¹⁴. Офицеров даже просили назначить время для приема посетителей, “так как многие японцы, даже приезжие из других городов, желают нам высказать свое “сочувствие и утешение” и на это имеется разрешение из Токио”¹³.

“Если являлись отдельные лица, то беседа принимала форму обыкновенного разговора, а если это была депутация, то выходил оратор и произносил целую речь”¹³.

Среди посетителей были и представители Красного Креста, и иностранные миссионеры, и досужие любопытные. Самым желанным посетителем, однако, оставался консул. Французское консульство не оставляло своей заботой военнопленных. Первым посетил военнопленных в Мацуяме атташе французского посольства *Mr. Martime*.

Недели через три с русскими военнопленными регулярно начал встречаться консул из г.Кобе Фосарье де Люси.

По впечатлению Селецкого, "г-ном Фосарье почти все пленные, живущие в Мацуяме, были недовольны за его индифферентное отношение к их нуждам"¹³. "В отношениях к нам консула хотя и чувствовалось сочувствие, но какое-то жидкое сочувствие по обязанности... и вместе с тем чувствовалось бессилие повлиять на японцев, чтобы улучшить наше положение"²⁵. Но даже и "сочувствием по обязанности" некоторые военнопленные пытались воспользоваться⁴ не совсем честным образом.

Навещал пленных Фосарье довольно часто – "в определенные дни каждый месяц"⁴, "он направлял пленным полученные неоднократно на его имя пожертвования деньгами и вещами. Им были переданы на новый год пожертвования от вдовствующей Императрицы для нижних чинов (по 1 йене на человека); им неоднократно передавались пожертвования королевы греческой и многих частных лиц деньгами и вещами.

Вообще помощь консула была крайне необходима пленным; ... он действительно защищал их и во многом облегчал русским тяжесть плена"⁴.

Действительно, забота консулов и для пленных была не совсем бесполезна.

Толстопятов, например, случайно узнает, что перевод группы военнопленных из тюрьмы Кокура в Фукуока – тюрьму более "благоустроенную" – произошёл после ходатайства французского консула⁹⁰.

В другой раз, когда в Мацуяму приехал французский консул с секретарем

посольства *M-r de Panafieu* (Панафье), он узнал об одном русском, сошедшем в лагере с ума и помещенном в клетку. "Результатом этого визита и хлопот любезных представителей Франции было предложение со стороны японцев"⁴ передать душевнобольного на поруки русских офицеров в госпитале.

О визите консула упоминает и Шикунц Ф.И.: "Сегодня наш приятель посетил французский консул, которого с нетерпением уже давно ожидали все пленные для заявления ему претензий на очень плохую пищу, кулачную расправу с пленными, а в особенности – с калеками. Ал. приготовил по этому случаю прошение на французском языке от имени всех военнопленных"¹⁴.

Однако на этот раз консул сделать ничего не смог. Впрочем, дело шло уже к концу переговоров о мире.

Администрация и охрана лагерей прилагала и личные усилия для развлечения русских.

Один из военных администраторов лагеря Мацуяма "однажды... принес... рисунки самого лубочного качества, и показывая их, начал уверять, что это работа корейского императора, подаренная ему самим художником, с которым он был в большой дружбе, когда жил в Корее... Нередко для нашего развлечения он устраивал фехтования на палках между караульными солдатами и часто сам принимал в них участие"¹³.

Кроме того, пытались заключенные развлечь себя и сами.

"Скука невообразимая. Наши солдаты, чтобы развлечь себя, стали что-то ловить в лужах. Оказалось, что они ловили в лужах (дождевых – Авт.) рыбу! ... у некоторых завелись даже аквариумы"¹⁴.

В лагере Мацуяма военнопленные начали ловить пауков. "Иногда от нечего делать, эти пауки наваливались в большом количестве, и устраивались настоящие гладиаторские бои"¹³. Кроме того, по свидетельству того же Селецкого, заключенные от скуки разводили птичек. "... [пришла]

мысль некоторым любителям пернатого царства обзавестись клетками с канарейками, и когда их набралось много, то в Коккайдо было решено устроить общую большую клетку в саду... Клетки эти потом расширились и принимали гигантские размеры... Скоро эти клетки стали общим достоянием, т.к. каждый старался приобрести какую-нибудь птицу и пустить ее в клетку"¹³.

Были и попытки организовать обучение нижних чинов грамоте, некоторые офицеры начали изучать иностранные языки, в том числе японский. Они обращались в миссию с просьбой прислать им учебники, иногда покупали самоучители японского языка. Кроме того, военнопленными был устроен театр. На представления с удовольствием приглашали японцев.

"Сегодня нашими любителями представлена была в третий раз "Власть тьмы", исключительно для японской публики; мы тоже были приглашены на этот спектакль, и вечером втроем отправились туда, хотя и не ради спектакля, а для того, чтобы ближе разглядеть японскую публику.

Для японцев администрацией приюта было приготовлено угощение: чай, пряники и конфеты, которыми они угощали и нас. Публики собралось очень много, человек более 300. Было очень много женщин, девиц, гейш и детей. На спектакль японцы смотрели со вниманием... Больше всего публике понравилась русская пляска и лезгинка, исполненные дагестанцами А., Ш. двумя казаками Кубанского казачьего войска"¹⁴.

Однако, несмотря на все попытки развлечься, большая часть военнопленных, особенно нижних чинов, всем занятиям предпочитала игру в азартные игры. В лагерях царило повальное пьянство, кражи и драки, вспыхивали мятежи, в том числе и на межнациональной почве. Особенно усугубляет ситуацию революционная пропаганда в лагерях.

Не лучше пленные ведут себя и во время выходов в город: "Они с победонос-

ным видом разгуливают по главным дорогам в своих синих шинелях и красных фуражках, одни вызывают свои семьи и живут вместе с ними, другие пьют и не вылезают из борделей, третьи заводят любовниц и не стесняются селиться вместе с ними. Бывает, что они среди бела дня заваливаются в публичный дом, поднимают шум-гам и не обращают ни на кого внимания, предаваясь необузданным удовольствиям... говорят, что не будь пленных, торговцы бы не торговали, к проституткам никто бы не ходил, рикшам некого было бы возить"¹.

Известие о мире еще больше накалило обстановку. Русские начинают вести себя вызывающе – нарушают лагерный режим, дебоширят в городе, отказываются платить в лавках¹⁴. Некоторые, пользуясь изменением своего статуса, отправляются в путешествие – посещают соседние с лагерем города, многие нанесут визит о. Николаю, начинается судорожная закупка сувениров на память.

Эвакуация сама по себе окажется затруднительной – не хватает транспортов, денежных средств, продовольствия. "Наладившаяся было эвакуация пленных через порты Кобе и Осака, приостановилась вследствие эпидемии в этих пунктах; пошли тогда хлопоты о назначении другого пункта отправления пароходов; время на это употребилось довольно много, наконец начали вывозить из нового пункта – бухты *Jokkaichi*"²¹.

Японская сторона стремится "сохранить лицо", а может быть, и искренне прощается с русскими.

"Перед отъездом не только переводчики и Кавасаки и Симода дали нам свои фотографии, а даже старики солдаты, которые караулили. На вокзал провожать нас собралось много народу: все наши кондитеры, часовщики, фруктовщики и т.п. многие христиане с дьяконом во главе, конечно, Моги с офицерами.

Проводы на вокзале вышли довольно теплые. Все эти торговцы очень и очень нажились на нас и не раз, я думаю, пожалуют о нас в этом отношении. Вообще мы очень оживляли этот порядком таки захолустный городишко²⁵.

Для отъезжающих устраивают спектакли, обеды, но их это уже не занимает – все хотят быстрее домой.

Наконец, достаточное количество судов приготовлено – приходится даже прибегать к фрахту кораблей у частных компаний.

“...Началась эвакуация пленных. При чем мы целых 5 дней тащились пешком до станции жел[езной] дороги, ночуя то в грязных китайских хижинах, то в полуразрушенных казармах, в лучшем случае в летних палатках, а команда – прямо под открытым небом, и это при холодном северном ветре и морозе. Вещи пришлось побросать, так как багаж был ограничен. Не было сделано никакой разницы между стариками-командирами и молодежью.

Пища давалась матросская, есть пришлось по-свински, так как ничего с собой не было. При нас не было ни одного офицера японского, а конвой из солдат, которые нередко позволяли себе грубости.

Были переводчики, говорившие очень плохо по-русски, но умевшие выменивать для себя на память золотые монеты. Вообще гадость, мерзость, ... нас повезли в Дальний по железной дороге, причем офицеры ехали в багажном вагоне, по приезде в Дальний нас поместили в наскоро недостроенном здании гимназии, где грязь и вонь невозможная. Вокруг стоят часовые, не выпуская совершенно, – как какие-то каторжники²⁶.

Наконец эвакуируемых погрузят на пароходы⁵. На пароходах – вновь – повальное пьянство, картежная игра, “на одном пароходе взбунтовались пленные матросы, посаженные для отправки в Россию⁵. Дорога продолжалась “в каком-то странном, точно пьяном состоянии, или как бы в непрерывных просонках⁵”.

Плен закончился, пароходы приближались к русским берегам.

Примечания

¹ *Хасэгава Син*. Пленники войны. М., 2006. С. 170–171, 413, 349.

² *Синтаро Накамура*. Японцы и русские. М., 1983. С. 276.

³ *Киносуке Наакамура*. Сострадание Св. Николая // Япония Сегодня. 2005. № 6.

⁴ *Кулчинский Ф.П.* В японской неволе. СПб., 1906. С. 14, 25, 68, 16.

⁵ Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. V. С. 68, 81, 87, 88, 92, 93, 117, 120, 199, 135, 164, 212, 319, 143, 157, 161, 167, 196, 199, 212, 319.

⁶ История русско-японской войны. М., 1977.

⁷ *Урланис Ц.Б.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.

⁸ *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. М., 1952.

⁹ *Глушков В.В., Черевко К.Е.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М., 2006.

¹⁰ *Гузанов В., Судзукава М.* Могилы русских воинов в Японии. Осака, 1994. С. 151.

¹¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил / под ред. Кривошеева Г.Ф. М., 2001. С. 89, 90.

¹² Русский Инвалид. 1905. № 10. С.2–3.

¹³ *Селецкий Г.Г.* 646 дней в плену у японцев. СПб., 1910. С. 18, 19, 27, 43, 47–48, 90, 132, 210, 115, 123–124.

¹⁴ *Шикун Ф.И.* Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 120, 150, 151, 154, 180, 135.

- ¹⁵ *Лилъе М.И.* Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 331.
- ¹⁶ Порт-Артур. Воспоминания участников. С. 370, 387.
- ¹⁷ *Холмогоров А.* В осаде. Воспоминания порт-артурца. СПб., 1905. С. 59.
- ¹⁸ *Волкова Русина.* Няда // Топос. 2006. 25 мая.
- ¹⁹ *Хироюки Фусэ.* Наследие прошлого. Тайны русско-японской войны по-прежнему остаются под покровом тайны // Yomiuri. 2004. 2 февраля.
- ²⁰ *Такэси Сакон.* В лагере для военнопленных в Мацуяме русских солдат и офицеров содержали в железнодорожных вагонах первого класса. Владивосток, 2001.
- ²¹ Заметки капитана второго ранга Г.А. Ивкова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М. Российский Архив, 2004. С. 402.
- ²² *Толстомятов А.* В плену у японцев. СПб., 1908. С. 20.
- ²³ *Головнин В.* Японцы о русских пленных: “Они были веселые, рослые и громко пели во время работы” // Известия // Ru. <http://www.izvestia.ru/hystory/article3094418/index.html>.
- ²⁴ *Семенов В.И.* Цена крови. СПб., 1910.
- ²⁵ *Змеичин В.П.* Агония Порт-Артура. Капитуляция Порт-Артура. Из дневника офицера русско-го флота // Подольский альманах. 2004. № 7. // <http://podolsk.org/8/zmeic.php>
- ²⁶ Письма *Н.О.Эссена* из Порт-Артура // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 49.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.